

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

КИПАРИСОВЫЙ
КРЕСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Кипарисовый крест / Елена Дорош. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247979-3

Выросшая в воспитательном доме Зинаида Надеждина волей случая попадает в услужение к одной из фрейлин императрицы. Довольная своей участью девушка и не мечтает о большем. Ее пугает лишь то, что две ее подружки погибают при странных обстоятельствах, и, кажется, ей тоже грозит смертельная опасность. Но кому нужна жизнь бедной сироты? Чтобы выжить, Зинаиде придется разгадать тайну, которую долгие годы хранил кипарисовый крестик — подарок умершей матери...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош Е., 2026
© Оформление.

ISBN 978-5-04-247979-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

В СНЕГАХ

Младенец вдруг закричал. Негромко, но требовательно.

— Сунь титьку, — буркнул бородатый мужик, покрепче прижимая дверцу повозки.

— А то без тебя не знаю, — скривилась баба. — Холодно с голой титькой-то. Может, до станции потерпит?

— Да мне-то что. Пусть хоть дуба даст.

— Ага. А нам потом вместо денег — шиш с маслом.

Баба взяла закутанного в тулуп ребенка и, кое-как пристроившись, стала кормить.

— Ишь, лопает. Наш-то не такой прожорливый, — проговорила она, невольно улыбнувшись.

— Ты не больно раскармливай. Мало ли сколько добираться придется.

— Не бойсь. Еще насобирается.

— Вы, бабы, как коровы дойные, — хохотнул мужик. — Вас хоть вообще не корми, молоко все равно будет.

— Корова хороша, когда бык неплох, — парировала баба, ухмыльнувшись, и сунула соседу кулаком в бок.

— Погодь до дома. Там разберемся, — осклабился мужик.

Баба заправила грудь в ворот рубашки и запахнула тулуп. Ребенок, затихший было, снова заплакал.

— Перепеленать надо. Промокло все.

— Так пеленай! Мне, что ли?

— На холоду неудобно.

— Тогда пусть терпит.

— Орать будет. Да и простынет на морозе...

Подай, что ли, пеленки.

— Я смотрю, ты прям жалостливая вся. Меня бы так жалела.

— Чего тебя, бугая, жалеть-то, — проворчала баба, распеленывая младенца. — Рожа, вишь, сытая какая. А дитя и так горя хлебнуло. Не успело на свет появиться, его уже с рук сбывают. Глянька, Васька, чего я нашла.

— Чего там? — покосился мужик.

— Да вот. На веревку с крестом колечко надето.

Повернувшись всем телом, мужик потянул веревочку на шее младенца.

— Тише ты! Чего рвешь! — остановила его баба.

— Дай сюда.

— Крестик хоть оставь. Зачем тебе деревянный? Пусть у ребятенка хоть что-то от мамки останется.

— Ладно, — буркнул мужик, снимая кольцо и завязывая веревочку узлом.

Баба надела крестик на тоненькую шейку и торопливо закутала плачущего от холода младенца.

— Смотри-ка, а недешевый перстенок, — рассмотрев кольцо, обрадовался мужик. — Золота немало, да и работа тонкая. И буквы какие-то выбиты. «М» и еще раз «М».

— Мамаши инициалы. Или родителя.

— Графы, поди, или князя.

— Графы или князя, а все едино — природы. Родное дитя...

— Цыц! — оборвал причитания мужик. — Делай, за что взялись, да помалкивай. Сами разберутся!

— Ага. Разобрались уже, — пробурчала баба, прижимая к себе младенца.

Санкт-Петербург утопал в снегах. Его в этом году навалило немало. А февраль выдался настолько снежным, по улицам не то что пешим, конным проехать стало совсем невозможно.

Дворники мели тротуары день и ночь, но проку от этого было мало.

Приютских в такую погоду даже во двор не пускали. Гулять все равно неловко, снег валит, как пальной, а одежду промокшую потом сушить — замаешься. К тому же, не ровен час, кто-либо подхватит простуду, тогда и вовсе пиши пропало. Заболеют скопом, а это хуже напасти. Лекарств не хватало, ухаживать за больными охотников было и того меньше. Так что пока не заболел, держись, а заболел — терпи.

— На все Божья воля, — говорила обыкновенно заболевшему Аркадия Дмитриевна, руководившая их воспитательным домом.

Когда же кто-то из детей умирал — что не было редкостью, — перекрестившись, изрекала равнодушно:

— Бог дал, Бог взял.

Их приют был не церковным, а государственным. Церковные гораздо беднее, потому и содержались там сироты из самых нищих сословий. Их же относился к «Ведомству учреждений императрицы Марии», потому исправно снабжался из казны. Однако по неизвестным причинам девочкам жилось и голодно, и холодно.

При поступлении в воспитательный дом младенцы делились на три категории. Первые, здоровые и крепкие, сразу отправлялись по деревням. Вторые, хорошего сложения, но требо-

вавшие временного докторского присмотра, при-
страивались в приемные семьи. В самом приюте
оставались дети третьей категории: совершенно
слабые и нуждающиеся в постоянном уходе.

Все это девочки узнали от Василия Егорыча,
старого и доброго смотрителя, дежурившего в их
корпусе по ночам. Когда им совсем уж невто-
готу становилось дрожать под тонкими одеяла-
ми, Егорыч звал малышей к себе и, усадив во-
круг горячей печи, рассказывал разное, что на ум
взбредет.

От него Зина узнала, откуда у нее такая фами-
лия — Надеждина.

— Так это ж воспитательница Надежда Семе-
новна тебя на крыльце увидела. Ну, в корзинке,
значит. Раз она Надежда, то тебя по ней и записа-
ли. Аньку в дежурство Никодима принесли, она,
стало быть, Никодимова и есть. А Машку я при-
нимал. Потому она Васильева. Так в приютах за-
всегда делают. Настоящую-то фамилию кто ж
скажет? Тебя чуть живую принесли. А уж голод-
ную... Видно, плохо относились, раз не корми-
ли. А может, везли издалека. В дороге грудное
дитя разве накормишь. Но ты крепкая оказалась.
Выкарабкалась!

Так, по крупицам, Зина складывала знания
о себе. Чья она дочь и почему попала в приют,
воспитаннице, конечно, никто не сообщил, но все
же постепенно в голове девочки складывалась кар-

тинка ее бытия. Местами она зияла дырами, да и в целом была невеселой, но пустоты заполнялись воображением, а веселья добавляли мечты. Как все приютские, Зина была врушкой, правда, гораздо менее талантливой, чем Аня и Маша. Те насочиняли о себе такого, что только в сказках бывает. Аня всем рассказывала, что она — потерянная в дороге дочь египетского принца. По ее словам, верблюд, на котором она ехала, заблудился во время песчаной бури и отбился от каравана. Родители и тысяча слуг искали ее три дня и три ночи, но так и не нашли. С тех пор во дворце не отменяют объявленный траур, а принц и принцесса разослали по всем странам десять тысяч шпионов, чтобы те нашли дочь и доставили во дворец. В Россию они тоже когда-нибудь доберутся, и тогда все узнают о принцессе Анне. Почему принц путешествовал на верблюдах и как ребенок попал из пустыни напрямиком в Петербург, было не совсем понятно, но Аня не смущалась подобными мелочами. История Марии была еще красочнее. Ее украли пираты, когда она с родителями — английским королем и королевой — путешествовала по морю. Похищенную королевскую дочь пираты привезли в Россию и отдали в приют, но уже совсем скоро родители отыщут наследницу престола. Тогда она непременно заберет с собой в Англию всех девочек и выдаст замуж за принцев со всего света.

На подобный исход Зина не особо надеялась, потому что на всех девочек принцев даже со всего света не хватит. А уж ее — доходягу — никакой принц замуж взять не захочет. Да и зачем ей чужое счастье, если она ждет своего.

В силу застенчивого и скрытного характера ее представление о сбывшейся мечте было не в пример скучнее. Она придумала, будто ее мать была благородного происхождения, а отец — простой моряк, поэтому суровые родители не дали им пожениться. Моряк надолго ушел в плавание, не зная, что у него должен родиться ребенок. Мать Зины до сих пор ждет его возвращения. Когда они наконец воссоединятся и поженятся, непременно возьмут дочь в свой дом. Родители матери, отдавшие младенца в приют, уже не будут против свадьбы, потому что моряк вернется героем.

Враки год от года обрастали новыми подробностями, но, если ее подруги охотно делились ими со всеми, Зизи, взрослая, все меньше стремилась откровенничать. Не то чтобы разговоры делали мечту менее реальной, напротив, у каждой из девочек она с годами только крепла. Но Зине казалось, будто скрытые, произнесенные мысли защищены от посягательств судьбы гораздо лучше, чем выставленные напоказ.

А может, девочка, взрослая, просто более ясно осознавала неопределенность своего буду-

щего и с каждым годом страшилась его сильнее и сильнее.

Что, если родители не успеют забрать ее до того, как она покинет воспитательный дом? Как она сможет распорядиться свободой? Где пристроится и чем будет заниматься?

Судьба приютских мальчиков, проживавших в Гатчине, была куда более очевидной. Их, исходя из умственных способностей, отправляли на учебу в аптеку, пристраивали на службу по письменной или счетной части, а порой и в госпиталь для приобретения навыков в медицине. Девочкам подобная удача не светила. Учили их элементарному: читать, писать и считать. Зине было известно, что в расписании значились и другие предметы — латынь, география, французский или немецкий языки, — но с недавних пор средств на наем учителей не доставало, и занятия свелись к самым необходимым.

Уже в состоянии разуметь, о чем идет речь, однажды Зина услышала разговор двух воспитательниц. Они сетовали, что с болезнью императрицы Марии Александровны — патронессы воспитательного дома — дела стали идти все хуже, хотя средств вроде как выделялось по-прежнему довольно.

— Под шумок все расходится по карманам начальства, — тихо сказала одна другой, но Зина смогла разобрать.

Рукоделью воспитанниц учили несравнимо лучше. Вышивка, плетение кружев, шитье были любимыми занятиями, хотя полученные навыки пригодились лишь для починки собственной одежды и штопанья чулок. Впрочем, девочки догадывались: как раз эти умения понадобятся им в жизни больше других.

Находиться в воспитательном доме можно было до двадцати одного года, но девочки покидали приют гораздо раньше. Многие страшились раннего ухода в большой мир. Тяжелая работа не пугала. Боялись другого: навсегда потерять шанс быть найденными потерявшимися родителями. Иногда воспитанниц брали в няньки, иногда в работницы на фабрику или в швейную мастерскую, иных даже готовили в гувернантки. Но в любом случае это означало, что их следы начинало замечать временем, оставляя все меньше шансов обрести наконец родителей.

Впрочем, горькие мысли могли терзать Зинину головушку целый год, но только не в феврале.

Зина знала, что родилась в этом самом не любимом другими месяце — холодном, метельном и особенно противном из-за пронизывающего ветра, продувавшего весь город и каждого его жителя насквозь. На какое число приходилось ее появление на Божий свет, ей, конечно, никто сказать не мог, поэтому она считала праздничным весь месяц целиком. А что такого? Го-

ворить об этом вслух необязательно, а про себя каждое утро считать днем рождения было и приятно, и полезно. В праздник болеть не хотелось — что за день рождения тогда? — поэтому в феврале она ни разу не простужалась. Настроение было приподнятым, мысли светлыми, потому и болячки не липли, наверное. А может, потому, что весь месяц она истово молилась о том, чтобы Господь даровал ей родителей, утраченных в младенчестве.

Молилась она тоже в одиночестве, сидя под столом в уютной библиотеке, который лет с пяти стал ее собственным маленьким домом.

ДОМ ПОД СТОЛОМ

Ее добровольное затворничество началось с появления в приюте няньки Аграфены Фоминичны. Никто не ожидал от деревенской бабы такой злобности, да поначалу ничто и не предвещало беды. Нянька была большой, мягкой и улыбчивой, а такие люди всегда кажутся добродушными. Однако иллюзии на ее счет рассеялись буквально через несколько дней, когда за разбитую нечаянно чашку Аграфена выпорола Лилю, да так жестоко, что девочка слегла на три недели. Начальнице при этом той же Аграфеной было заявлено, что Лиля бесноватая и ее необходимо сдать в желтый дом или монастырь.

Лилю, разумеется, никуда не отдали, но и Аграфене за рукоприкладство ничего не было. Начальница даже похвалила за усердие.

Почувствовав безнаказанность, нянька с каждым днем расходилась все сильнее. Редкая вос-

питанница оставалась небитой в течение недели. Однажды доведенные до отчаяния девочки вздумали было пожаловаться воспитательнице Надежде Семеновне, но вышло только хуже. Узнав об этом, Аграфена стала еще лютей, но научилась хитрить: старалась бить так, чтобы побои не были видны, но стали еще болезненнее.

Зина в силу своего характера попадалась под руку жестокой истязательницы реже других. Она почти не участвовала в играх и шалостях, да и из рук у нее ничего не валялось, однако и ей однажды попало за компанию, после чего она неделю харкала кровью.

Каждая из девочек искала способ избежать встречи с мучительницей, хотя удавалось это нечасто. Но только Зина нашла место, где могла укрыться. И это место надолго стало ее маленьким островком покоя.

Покрытый плюшевой скатертью с длинной бахромой стол стоял в библиотеке в небольшой полукруглой нише и практически всегда пустовал. Другие располагались в центре большого зала. Там часто занимались воспитанницы, хотя они редко посещали библиотеку по доброй воле, только по приказу воспитательниц для выполнения какого-либо задания. Но то были старшие девочки. Малыши и вовсе в библиотеку не навдывались, потому как делать им в царстве скучных взрослых книг было нечего. Детских, с картин-

ками, которые они были способны воспринять, в приютской библиотеке отродясь не водилось, все больше толстые, ученые, недоступные умам приютских.

Уютный и безопасный дом появился совершенно случайно. Услышав грозный крик няньки, воспитанницы, как обычно, кинулись врассыпную. Зина тоже бросилась бежать, но замешкалась и заметалась в отчаянии. В этот критический момент она заметила, что обычно запертая дверь библиотеки чуть приоткрыта. Снаружи в замочной скважине торчал ключ. Раздумывать было некогда. Девочка стремглав вбежала в зал, покрутилась в поисках укрытия и кинулась прятаться в единственно возможном месте — под стол в самом дальнем конце библиотеки.

Через несколько минут голос мучительницы затих, и Зина, осмотревшись, обнаружила, что под столом довольно удобно. Здесь было даже теплее, чем в комнате воспитанниц, а тяжелая скатерть до пола надежно спрятала ее от посторонних глаз. Надолго оставаться в уютной норе она побоялась. Дело было вечером, а перед сном надзиратели проверяли, все ли девочки находятся в комнатах. К тому же библиотеку могли в любой миг закрыть на ключ. И тут Зине повезло во второй раз. Дверь все еще была не заперта, и ключ по-прежнему торчал снаружи. Она спрятала его в карман и поспешила вернуться в спальню.

Были ли разбирательства по поводу пропажи ключа, она так и не узнала, но младших девочек в этом никто обвинить не додумался. Замок менять не стали. Сделали новый ключ, а старый остался у Зины.

И с этого самого дня жизнь ее переменилась окончательно и бесповоротно. В любую свободную минуту она прокрадывалась в библиотеку и забиралась в счастливо обретенный дом, где можно было думать о чем угодно, без боязни быть обнаруженной. Несколько раз, правда, в библиотеку заходили, но и тут Зина довольно быстро приспособилась. Подложив под голову ладони, она сворачивалась клубочком и лежала, не шевелясь. Иной раз засыпала и, проснувшись в тишине, вновь продолжала свою скрытую ото всех жизнь.

Воспитанницы ни разу не хватились. Она всегда была незаметной. Слишком тиха и бесшумна, ничем не примечательна, как серая мышь. Наверное, поэтому ее долгого отсутствия не замечали даже подруги. Иногда спрашивали равнодушно, но Зина научилась отнекиваться, и довольно ловко. Спросили раз, другой, а потом привыкли к ее частым отлучкам. Или всем казалось, что она где-то рядом, просто, по обыкновению, молчит.

Примерно через год Зине стало скучно сидеть под столом просто так, и она решила найти себе

занятие. Стол примыкал к большому книжному шкафу, и, просунув руку, можно было дотянуться до дверцы. Однажды, осмелев, Зина таким способом вытянула из шкафа книжку и стала листать. Книга была толстая и пыльная. С трудом сложив буквы в слова, девочка обнаружила, что ей достался учебник по математике, и хотя с цифрами она дружила ничуть не лучше, чем со словами, принялась рассматривать страницу за страницей. Просто так, для развлечения. За математикой последовал сборник философских трудов членов Академии наук «Римские вопросы» автора со странной фамилией Плутарх и труд какого-то Аристотеля с чудным названием «Органон». Книги были скучными и совсем без картинок, но однажды ей наконец повезло. Зина смогла дотянуться до полки, где стояли книги с красивыми корешками, на которые она засматривалась, но взять долго не решалась. Осторожно вытащив книгу, она нырнула в домик. Обложка потрясла ее воображение. На ней было изображено волнуемое ветром море, по которому плыл корабль. Паруса раздувались, волны били в корму, а на палубе, взявшись за руки, стояли прекрасные обликом юноша и девушка. У девушки были длинные светлые волосы и огромные голубые глаза. Взгляд юноши был направлен на нее и горел таким необыкновенным чувством, что Зина задохнулась от волнения. Тогда она не знала сло-

ва «страсть», но ей казалось, что, глядя на этих двоих, она начинает испытывать похожее чувство. Это же ее отец и мать! Моряк и его суженая! Не хватает только ее самой, их любимой, но потерянной дочери.

Увиденная картина стояла перед ее взором целый день. Она была так впечатлена, что впервые за долгие месяцы попала под наказание. Повезло, что в тот день Аграфена была не столь взбешенной, как обычно, поэтому порола ее едва ли вполсилы. Молча стерпев боль, Зина немного полежала на кровати и, выждав, когда рядом никого не окажется, снова нырнула в мир своих грез. Ей ужасно захотелось узнать, о чем говорится в книге, но оказалось, что она написана на незнакомом языке. Тогда девочка не знала, на каком именно, но желание проникнуть в тайну творения было столь велико, что Зина снова и снова вглядывалась в строки, запоминая их написание. За год она выучила книгу настолько, что могла переписать по памяти. Не понимая ни слова, девочка погрузилась в волшебный мир, в котором жили любовь и радость.

Наверное, она так никогда бы и не узнала, о чем книга, но однажды в приноте появилась новая учительница — Эдит Карловна.

В тот день Зина, как обычно, сидела под столом, наслаждаясь тишиной и покоем, держа в руках ту самую книгу. По обыкновению, она

мечтала, закрыв глаза, и улетела так далеко, что не услышала шагов вошедшего в библиотеку человека. В эту минуту девочка как раз представляла себе, как сошедшие с корабля родители, не расцепляя рук, отправляются на ее поиски, и тут под скатерть просунулась тонкая рука в кружевных манжетах и вцепилась в книгу.

Вздрогнув, девочка машинально потянула книгу на себя, но силы были неравны, и в результате ее вместе с драгоценностью вытащили наружу. Зина зажмурилась от страха, но неожиданно услышала мелодичный с серебряными переливами смех и опасливо открыла глаза. Прямо перед собой она увидела лицо с милыми ямочками и кудряшками по бокам.

— Ты что тут делаешь? — спросила незнакомка, продолжая смеяться.

— Живу, — не подумав, ответила Зина, и лицо женщины сразу стало серьезным.

— Прячешься, значит. Понимаю. Я никому не скажу, что обнаружила твое убежище, а ты расскажешь, что у тебя за книга, договорились?

Сама не своя от смущения, Зина молча кивнула.

— Так что ты читаешь? Ого! Да это поэма лорда Байрона «Чайльд Гарольд»! Откуда она в этой юдоли скорби? Перевод на французский. Ты читаешь по-французски?

Зина помотала головой.

— Чем же тебе нравится эта книга?

— Картинкой, — вымолвила девочка, заливаясь краской.

Незнакомка посмотрела на обложку и вдруг сказала:

— Ты представляешь, что это твои родители, да?

Потрясенная пронизательностью женщины, Зина неожиданно для себя призналась:

— Я не знала, что это французский, но я умею писать на нем.

— Писать, не зная языка? Неужели такое возможно? — воскликнула незнакомка и, поднявшись, указала на стул.

— Садись сюда. Вот тебе карандаш и бумага. Покажи, что умеешь.

К тому времени Зина довольно бойко управлялась даже с перьевой ручкой, что получалось не у всех девочек, но карандаш ей нравился больше. Присев на краешек стула, она пододвинула листок и принялась писать выученные строки. На чужом языке получалось не так быстро, как на родном, но ее никто не торопил и не останавливал, поэтому девочка продолжала наносить на бумагу незнакомые слова.

Лист закончился, а слов оставалось еще очень много. Зина вопросительно взглянула на незнакомку. Та сидела с округлившимися глазами.

— Ты знаешь, что без единой ошибки написала начало второй песни «Чайльд Гарольда»?